

Русский город и советский мегаполис: проблемы трансформации

Кирилл Александров, к.и.н., С.-Петербургский государственный университет

Темпы экономического роста уже давно не являются целью функционирования экономики. Ее цель – качество жизни, которое определяется развитием инфраструктуры (дешевизна и развитость транспорта, наличие высококласных медицинских и образовательных учреждений, доступность рекреационных зон, экология, уровень преступности, качество управления и пр.). Современные российские города, как правило, не соответствуют даже минимальным требованиям по качеству жизни, что затрудняет их развитие как центров экономического и культурного творчества. В данной статье автор кратко рассматривает эволюцию русского города, причины и последствия его трансформации в советское время.

Происхождение и развитие отечественного среднего класса и частной хозяйственной инициативы тесно связаны с исторической судьбой русского города. По одной из версий, термин «город» произошел от глагола «городить», указывавшего на огороженное и укрепленное место, защищавшее от врагов. В. П. Даркевич, один из современных исследователей феномена города в домонгольской Руси, в этой связи подчеркивал: «Не столько экономические факторы, сколько стремление общества избежать губительного распада, поиски ранее не известных форм солидарности и сотрудничества заставляли людские коллективы объединяться под защитой городских стен».

В конце X века после принятия Русью христианства молодое древнерусское государство перешло на качественно новую, более высокую цивилизационную ступень. Одновременно формировалась общегосударственная легитимная власть, которая обеспечивала внешнюю и внутреннюю безопасность, поддерживала общественный мир, осуществляла политические функции. Перед старыми славянскими поселениями возникли новые административные, культурные, социально-экономические и военные задачи. «Основание многих городов, стратегически важных как центров управления волостной территорией, происходило в плановом порядке, по мере колонизации славянами новых земель. Многие города в начале своей истории, когда осваиваются периферийные районы, представляли собой суверенные общины из вчерашних отважных пионеров-колонистов, выходцев из разных восточнославянских регионов, причем как из старших городов, так и из деревень. Такова, например, Рязань», – отмечал Даркевич.

I период: X век – 1237 г. Древнерусский город как центр культуры, хозяйственной инициативы, ремесла и торговли.

В середине XI века древнерусский город уже был вполне сложившимся самостоятельным институтом. Численность городов постоянно росла. По оценкам М. Н. Тихомирова, в X веке на Руси существовали 25 городов, в XI веке – 64, в XII веке – 134, а к 1237 г. – до 300. К 1237 г., накануне Батыева нашествия, русская городская культура достигла расцвета. Уровень информированности и общего развития горожанина был существенно выше уровня соотечественника, проживавшего в сельской местности. Город служил источником частного и корпоративного творчества, влиял на миграционные процессы, изменение стереотипов

мышления, на углубление имущественной и профессиональной дифференциации населения, способствовал укреплению социальной солидарности. С городами и прилежавшими к ним монастырями связывалось расширение международных контактов и преодоление изоляции, развитие архитектуры, живописи, письменности и летописания. Распад Киевской Руси в XII веке привел к региональной концентрации ресурсов и позитивно повлиял на рост городов. «Полицентричная система, связанных культурно, религиозно и династически, но независимых княжеств, – полагает Даркевич, – создавала условия для дальнейшего развития урбанизации».

В конце первого периода старший («большой») город каждой «земли» имел и незаурядное политическое значение как выразитель консолидированной общественной воли. Власть вечевых собраний и их выборных представителей успешно состязалась и сочеталась с княжеской властью, сильно зависимой от субъективных обстоятельств, о чем справедливо писал С. М. Соловьёв: «Вследствие родовых княжеских отношений, перемещений и усобиц власть княжеская являлась чем-то непостоянным, изменяющимся, и во сколько она ослабела чрез это, во столько выиграло значение старшего города в волости, который представлял власть постоянную». Во многом такое состояние было следствием сложной социальной структуры городского населения, в котором самостоятельное и влиятельное значение приобретали горожане, тесно связанные с ремеслом и торговлей, и ревниво относившиеся к своим субъективным правам.

В первой трети XIII века специализация ремесленного производства в русском городе стала совершившимся фактом, несмотря на еще сохранявшиеся элементы натурального хозяйства. Город-защитник превратился в центр ремесла, торговли, источник распространения культурной традиции и христианского просвещения. Первые упоминания о купцах – посредниках между производителем и рынком – относятся еще к X веку. В начале XIII века купечество представляло важную социальную группу в городском населении. В крупных городах и региональных центрах складывались купеческие объединения, напоминавшие европейские корпорации. Купцами называли как горожан, занимавшихся местной торговлей, так и «гостей» – богатых контрагентов из других городов. Одновременно купцы осуществляли и кредитно-финансовые операции, некоторые становились ростовщиками и давали деньги в рост («резы»).

II период: XIII – первая половина XVII вв. Упадок древнерусского города и его трансформация в Московской Руси.

Нашествие полчищ Батые в 1237–1238 гг. и вовлечение Северо-Восточной Руси в политическую орбиту Золотой Орды оказалось исторической трагедией. «Азия на коне» нанесла русской городской культуре почти смертельный удар. Под городскими развалинами и копытами татаро-монгольской конницы погибла перспектива развития юридически свободного города. В Московской Руси город, в первую очередь, стал существовать в виде опорного военного пункта (крепости) с зависимым служилым населением, и надолго застывшего в таком первобытном состоянии. Драматический новгородско-московский конфликт конца XV века, по сути, стал неизбежным столкновением города с домонгольской традицией и Москвы, которая, по выражению А. Н. Сахарова, в тот момент «все более увязала в сетях застойной азиатской цивилизации». Сахаров печально, но справедливо, на

наш взгляд, утверждал: «Подчиняя себе все северо-восточные земли, в первую очередь Новгород с его традиционными вольностями, сковывая железными обручами вассалитета Тверское княжество, привязывая к своей государственной колеснице вольнолюбивую Рязань и стоящий постоянно особняком Нижний Новгород, Москва одновременно убивала еще сохранившийся на Руси дух свободы и вольностей».

Возрождение купечества в Московской Руси было обусловлено естественным порядком вещей. Однако жесткая унификация земель Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в рамках централизованного Московского государства сопровождалась не только ликвидацией каких-либо региональных прав и остатков самостоятельности подчиненных субъектов, но и уничтожением налоговой и профессиональной автономии местных купеческих объединений, позднее целенаправленно разрушавшихся московскими наместниками. В XV–XVII веках московская власть активно вмешивалась в экономическую самостоятельность городов и частных лиц. Отчасти такой порядок объясняла «тягловая» (служилая), мобилизационная специфика Московского государства, справедливо названного В. О. Ключевским «вооруженной Великороссией». Постоянные военные угрозы с Востока, Юга и Запада требовали перманентной милитаризации и колоссального напряжения всех национальных сил, тяжело обременяя каждое сословие особой суммой обязанностей («тяглом») во имя общественного блага.

Но в не меньшей степени отрицательную роль играла азиатская государственная модель, унаследованная от Золотой Орды, и не способствовавшая развитию института собственности, частного предпринимательства и экономической свободы. Особенно пагубным оказалось царствование (1533–1584) Ивана IV, чьи произвол и террор, по сути, прикрывали революционный передел крупной земельной собственности московской аристократии, осуществлявшийся захватным («воровским») путем. Жертвами террористической политики Ивана Грозного пали многие представители купечества. Его наследникам досталась опустошенная в экономическом отношении страна, с нарушенными хозяйственными связями и подорванным рынком, что в значительной степени спровоцировало события Смутного времени начала XVII века. После Смуты восстановление России и деловой активности купечества растянулось на долгие годы. В итоге русское купечество выглядело существенно беднее и малочисленнее, по сравнению с европейскими коллегами, а общие условия быта и ведения операций обуславливали гораздо более высокие риски. Тем не менее, хозяйственная деятельность купечества свидетельствовала о возвращении русскому городу традиционных функций.

Определенное оживление предпринимательства произошло в царствование (1645–1676) Алексея Михайловича, при котором в русском торговом бизнесе окончательно сложилась своеобразная иерархия. Купеческая элита насчитывала всего 30 лиц («гости»), пользовавшихся особыми привилегиями, в том числе по подсудности. Члены почетной «гостиной сотни» (350 человек), в отличие от «гостей», не имели земельной собственности (вотчин). Купцы «суконной сотни» ограничивали свою деятельность исключительно торговлей сукном. Представители «черной сотни» не имели права торговать иноземными товарами, и в основном занимались скупкой сырья у местных производителей и перепродажей. К купечеству тесно примыкали и взаимодействовали с ним мелкие городские торговцы – посадские и слобожане («люди»), а также разносчики товаров широкого

потребления («коробейники», «офени»). Внутри корпораций складывалась деловая этика отношений, правила поведения, формировались самостоятельные ранги или «статусы» – «лутчая», «средняя», «меньшая». Некоторые исследователи полагают, что отец Петра I целенаправленно поощрял и стимулировал экономическую самостоятельность населения, несмотря на войны и внутригосударственные потрясения. Правительство Алексея Михайловича на отечественном рынке защищало права русских купцов от иностранных конкурентов, правда, порой, не только экономическими, но и политическими мерами. Принятие Таможенного (1653) и Новоторгового (1667) уставов способствовало развитию частной инициативы.

III период: середина XVII века – начало XX века (1917). Развитие города как центра хозяйственной инициативы и культуры.

XVII век для русского купечества имел особое значение. При первых Романовых накопленный торговый капитал постепенно начал реализовываться в предпринимательской деятельности – в соледобывающей, кожевенной и в других отраслях. Трагический церковный раскол середины XVII века привел к обособлению в купеческой среде старообрядцев – консолидированной профессиональной группы, чья деловая активность и морально-этические принципы ведения бизнеса, отчасти сравнимые с протестантскими, в XVIII–XIX веках оказали серьезное влияние на весь русский торгово-промышленный класс. Вероятно, уместно говорить о постепенном формировании в России старообрядческой культуры предпринимательства, отличительной чертой которой становилось твердое следование неписанным корпоративным правилам и своеобразное отношение к капиталу и собственности, как к испытанию, ниспосланному Богом. Старообрядческая традиция повлияла на многих крупных отечественных предпринимателей (Кузнецовы, Морозовы, Рябушинские, Солдатенковы и др.), участвовавших в успешной хозяйственной модернизации России в конце XIX – начале XX веков.

В XVIII веке купеческий капитал и усилия реализовались в металлургии, в текстильной, бумагоделательной, стекольной и прочих отраслях экономики. Однако революционно-милитаристская политика Петра I в первой четверти XVIII века, искусственное насаждение им госпредприятий и мелочной регламентации вкупе с рекрутчиной, бессистемными преобразованиями и чудовищным ужесточением налогового бремени, на взгляд автора, не способствовали развитию купечества и частного предпринимательства, привели к упадку городов, ослаблению городского хозяйства и сокращению трудоспособного населения. К концу петровского царствования (1725) почти разорилась некогда элитная «гостиная сотня». В связи с высокими рисками нажитый капитал не пускался в оборот, а порой зарывался в землю (в прямом смысле слова). Город постепенно приобрел новый облик, превращаясь из военного преимущественно в административный центр, его торгово-экономические функции сохраняли вторичное значение.

Город и политика экономического либерализма

В последующие десятилетия при императрицах Анне Иоанновне и Елизавете Петровне осуществлялись некоторые мероприятия, способствовавшие развитию предпринимательства, но они не носили системного характера. Последовательное укрепление института частной

собственности, поощрение экономической самостоятельности и расширение прав городов происходило в царствование (1762–1796) императрицы Екатерины II. По утверждению В. В. Леонтовича, «Екатерина решительно отклоняла всякую возможность регламентации свыше: “Нету ничего опаснее, как захотеть на все сделать регламенты”». Оказавшись на монаршем престоле в стране, где состояние всеобщей несвободы было тяжелым наследием предшествующих столетий, Екатерина II решительно намеревалась наделить субъективными гражданскими правами, в первую очередь, личной неприкосновенностью и правом собственности, определенную общественную группу, превратив ее в полноценных частных лиц, защищенных от произвола. Так возник «Проект Законов о Правах Жителей или Людей Среднего Рода».

Статус купечества, наиболее экономически инициативной группы, был поднят в 1775 г. в результате создания привилегированных купеческих гильдий – полноценных корпораций, объединивших в городах представителей торгово-промышленного класса с серьезным капиталом. Купцы не платили личных податей, не несли рекрутской повинности, не подвергались телесным наказаниям. Ремесленники, мелкие торговцы и домовладельцы, кустари вошли в податное и непривилегированное сословие мещан. Однако, к разочарованию Екатерины, удельный вес и влияние горожан в массе российского населения оказались незначительны. К 1796 г. городское население империи составляло всего 1,3 млн. человек (3,5 %).

Предпринятая в екатерининское царствование административная попытка увеличить число городов путем соответствующих переименований примерно 250 крупных сел оказалась искусственной. Как указывает Н. А. Иванова, «многие из них так и не поднялись до уровня настоящего города и были “разжалованы” снова в села». Полноправным носителем гражданской свободы и субъективных прав в конце XVIII века оказалось лишь дворянство. С того момента, по оценке Б. Н. Чичерина, главная проблема Российского государства заключалась в том, насколько быстро гражданские права, закрепленные Екатериной II за дворянством, станут достоянием представителей всех других сословий. К сожалению, данный процесс слишком растянулся во времени и в целом завершился лишь в 1906 г., накануне Первой мировой войны и революционных потрясений 1917 г.

Город и формирование русского среднего класса

Для развития купечества и русского городского среднего класса позитивное значение имел указ императора Александра I от 12 декабря 1801 г., разрешавший куплю-продажу земли купцам, горожанам и государственным крестьянам. Как подчеркивал знаменитый идеолог экономического либерализма Н. С. Мордвинов, с «сего знаменитого дня <...> право владения землями распространено на нижний род людей». Раздача государственных крестьян в частную собственность тоже прекратилась в царствование Александра I. В 1857 г. накануне отмены крепостного права в России доля горожан по сравнению с ситуацией 1796 г. существенно возросла, но в целом оставалась все равно незначительной, составляя 5,4 млн. человек (7,4 % населения империи).

Великие реформы, проводившиеся в царствование (1855–1881) императора Александра II, отразились и на судьбе русского купечества. С 1863 г. расширились возможности для

пополнения гильдий выходцами из других сословий, в первую очередь, предприимчивыми крестьянами. Для записи в купечество требовалось не иметь каких-либо обязанностей по прежнему сословному состоянию, ежегодно платить установленный сбор (для I гильдии – 500 руб., для II – 150 руб.; III гильдия упразднялась) и другие виды промыслового налога. Немаловажное значение играло следование деловой этике и неписанным правилам, нарушение которых могло самым пагубным образом отразиться на бизнесе и отношениях с партнерами по корпорации. Участие в деятельности органов самоуправления, внимание к общественным нуждам, попечение о местном образовании, досуге, нуждах Церкви считалось необходимым для формирования положительного предпринимательского имиджа. Переход в купеческое состояние не только накладывал определенную ответственность, но и существенно повышал личный статус бывшего крестьянина или мещанина, и влиял на повышение социальной мобильности в дореволюционной России. Значение купечества в хозяйственной жизни, развитии благотворительности и социального призрения было неоспоримым. Не меньшую роль в формировании благоприятной атмосферы для деловых операций играли хорошая «кредитная история» многих торгово-промышленных семей, династическое наследование и преумножение капитала, происхождение которого в некоторых случаях уходило корнями во времена Московской Руси.

Свободный город и несвободная деревня: конфликт культур

На рубеже XIX–XX веков перспективы жизни в городе манили значительную часть стиснутых в тисках общины селян, казались им более привлекательными. Освобождение крестьян от общины и уравнивание их в гражданских правах с представителями других сословий (1906) открывало свободный путь в город. Но могли ли вчерашние крестьяне-общинники, не привыкшие к свободе и самостоятельности, в короткий срок стать полноценными горожанами, «носителями классических ценностей среднего класса»? Тем более что доля городских жителей в структуре населения оставалась малочисленной. По данным переписи 1897 г. население Российской империи (без Финляндии) составляло 125,6 млн. человек. В 867 городах, включая губернии Царства Польского (Привислянского края), проживали лишь 16,5 млн. человек (13, 2%). В Европейской России в 604 городах проживали 12 млн. человек. Самыми крупными городами империи на тот момент были Санкт-Петербург (1,3 млн.), Москва (более 1 млн.), Варшава (684 тыс.) и Одесса (404 тыс.). В 80 % городов численность населения не превышала 20 тыс. жителей. Доля лиц купеческого сословия в структуре населения составляла всего 0,2 %.

Начавшаяся в конце XIX века индустриализация, и столыпинская модернизация 1906–1913 гг. стимулировали миграционные процессы. За счет интенсивного притока крестьян городское население росло ускоренными темпами, составив в 1914 г. 26,3 млн. человек (15 %). В диспропорции между «старыми» и «новыми» горожанами таилась серьезная опасность. Город, демонстрировавший более высокие стандарты жизни, и традиционно слабый средний класс не справлялись с быстрой социализацией многочисленных переселенцев из патриархальной деревни, привносящих в городскую среду свои привычки, сохранявших ментальные особенности выходцев из поземельной крестьянской общины (патриархальность, несамостоятельность, низкий культурный уровень и узкий кругозор, завистливость). Первая мировая война, милитаризация экономики и развитие военно-промышленного комплекса в 1915–1916 гг., создание огромных тыловых гарнизонов из новобранцев в еще большей степени повлияли на наплыв селян в столичные центры. По оценкам С. Н. Прокоповича в 1914–1916 гг. население городов возросло еще на 2,4 млн. человек. В результате, по замечанию А. Н. Сахарова, «не успев сформироваться в качестве полноценных центров городской цивилизации со всеми ее плюсами и минусами, российские города были размыты потоком сельского населения».

Советский период и создание противоестественной городской цивилизации.

Большевизм и криминальный эксперимент ленинской партии в 1917–1920 гг. были ничем иным как очередным азиатским натиском на право и собственность в России. Для завоевания и удержания власти ленинцы умело использовали многочисленных деревенских маргиналов и городской люмпен, с энтузиазмом разрушавших более развитую и культурную, но не окрепшую городскую цивилизацию. Ликвидация большевиками частной хозяйственной инициативы и предпринимательской деятельности сопровождалась физическим истреблением купцов, промышленников, городской интеллигенции и других представителей русского среднего класса во время беспощадного «красного террора» 1917–1921 гг. Естественно сложившийся город начал исчезать. Горожане становились жертвами социальных чисток, бежали в провинцию, эмигрировали за границу... На Юге России физическому уничтожению и депортациям в 1919 г. и в 1930–1932 гг. почти поголовно подвергалось население казачьих станиц. Многие из них в силу специфики развития фактически представляли собой протогорода, не успевшие состояться в исторической перспективе.

П. Б. Струве так оценивал социально-экономические последствия антигородской революции большевиков в годы «военного коммунизма» (1918–1921): «Отмена частной собственности и свободы хозяйственной деятельности в городах, отмена, прошедшая разные стадии, но неизменно ведущая к одинаковым результатам, неуклонно подрывала производительные силы и разрушала производство. Начался процесс деморализации труда: производители стали не работать при помощи капитала и капиталов, а проедать капиталы, и города из производственных центров превратились в скопления частных потребителей. Как таковые, города стали не нужны деревне, обозначился и с ужасающей быстротой прогрессировал разрыв нормальной экономической связи между городом и деревней. Последняя замыкалась в кругу своих собственных экономических процессов, другими словами, возвращалась к натуральному хозяйству... Население городов и, вообще, поселений городского типа разбегалось, оседало, по возможности, на землю, промышленность падала, пролетариат реально сокращался в численности».

С. Н. Прокопович полагал, что городское население за годы «военного коммунизма» (1918–1921) сократилось не менее чем на 7,7 млн. человек, (почти на 30 %). Москва потеряла 42,3 % своих жителей, Петроград – 69,4%. «Петербург стал мертвым городом, с разваливающимися, лишенными ремонта домами», – подчеркивал экономист. Оживление города и восстановление естественных условий жизнедеятельности началось лишь в 1922–1923 гг. в связи с новой экономической политикой (нэпом) и временной легализацией в СССР мелкого частного предпринимательства. Интересно, что нэпманы – предприниматели периода короткой экономической либерализации (1923–1926) – в силу особых условий бизнеса, краткосрочного характера деловых операций, собственного шаткого положения и сомнительных перспектив серьезно отличались от представителей уничтоженного дореволюционного торгово-промышленного класса, в первую очередь, купечества. Через несколько лет НЭП и частное предпринимательство наглядно показали свою несовместимость с политическим господством номенклатуры (бюрократии) Коммунистической партии, почувствовавшей в существовании класса свободных товарных

производителей угрозу своей власти и завоеванному во время Гражданской войны привилегированному положению.

Советский город как источник несвободы

В годы советской власти возникла новая, специально создававшаяся модель города. Ее характерные черты подчеркивали принципиальный разрыв со всем предшествующим историко-культурным периодом. В первую очередь, это проявлялось в грубой перепланировке старого архитектурного облика, последовательном разрушении исторического центра, храмов и монастырей, в ликвидации сложившейся на протяжении веков топонимии, депортациях и репрессиях горожан дореволюционной России по социальному признаку. В итоге постепенно исчезла традиционная городская среда с ее культурным, самостоятельным и вольнолюбивым пространством. «Новый город» должен был служить стратегической цели Коммунистической партии – созданию и воспитанию «нового» человека, послушного адепта утопии, в идеале лишенного какой-либо частной жизни, религиозных ценностей и семейных привязанностей. Городскую жизнь уподобляли конвейеру, исключавшему любую самоорганизацию горожан. Фиктивная система местных советов маскировала жесткую вертикаль управления территориальных партийных органов. В любых попытках к подлинному самоуправлению власть усматривала для себя опасность.

Расселение людей, их быт и культура подчинялись исключительно производственным целям и эксплуатации («Человек должен жить там же, где работает»). Отныне не город служил интересам горожан и социума в целом, а жившие в нищете пролетаризированные строители социализма становились рабочим сырьем для градообразующих предприятий. Развитие города увязывалось с развитием государственных мегаиндустриальных комплексов. В 1929 г. экономист и сотрудник Госплана СССР Л. Сабсович популярно и доходчиво описал «города будущего», которые предполагалось возвести в СССР к началу 1940-х годов в результате выполнения первых сталинских пятилеток. В своем крайнем проявлении отличительными чертами социалистических мегаполисов, по версии Сабсовича, должно было стать уничтожение домашнего и семейного хозяйства, обобществление трудовых усилий горожан, унификация и регламентация всех сторон жизни, введение обязательного и всеобщего общественно-полезного труда. Тотальная коллективизация быта предполагала создание грандиозных фабрик-кухонь, ясель и детских садов, общественных столовых и прачечных, «чтобы на дневное время полностью освободить всех женщин от заботы о детях».

В 1930-е годы советский город выполнял не только административные, но и военно-полицейские функции по насаждению и совершенствованию в деревне колхозной системы, гарантировавшей незыблемость власти номенклатуры ВКП(б). Новый виток вооруженной борьбы между властью и обществом в период кровавой коллективизации (1930–1932) – это эпизод трагического противостояния между номенклатурным городом и сопротивлявшимися ему сельскими производителями. Попытка части крестьянства найти спасение от беспробудной колхозной жизни привела к новому всплеску миграции и очередному наплыву деревни в город. С. С. Маслов полагал, что в 1929–1935 гг. городское население увеличилось за счет миграции из деревни на 12 млн. человек.

Сталинская номенклатура директивно устанавливала необходимые ей виды работ, размеры произведенного продукта, форму оплаты и размеры вознаграждения, поэтому миллионы крестьян оказались обречены на жестокую государственную эксплуатацию на «стройках социализма». «Свистящее рычание сирен, тяжелые вздохи заводов и мертвое плескание водяных громад у плотин Днепростроя и Волховстроя – это стон десятков тысяч изнемогающих от тяжелого труда и голодного желудка пролетариев и крестьян. Это кровь миллионов трудящихся перемешалась вместе с холодным потом, и теперь вертят тяжелые жернова и мощные турбины», – так открыто писал в своем письме в партийную организацию командир взвода 81-й стрелковой дивизии Красной армии П. И. Ионов, арестованный органами госбезопасности 28 сентября 1932 г. К сожалению, сегодня не принято вспоминать, как создавались предприятия, которые в постсоветское время стали основой вертикально-интегрированных «холдинговых компаний» (на эту тему см. статью Ю Шестакова «Вертикальная интеграция – средство выживания в конкурентной борьбе или способ монополизации?»)

В 1930–1980-е годы в результате развития государственного капитализма, искусственной урбанизации и последовательного разрушения сельской инфраструктуры на российском историческом пространстве вырос советский индустриальный мегаполис, игравший важную роль в функционировании государственной системы принудительного труда. Многие города возникли и развивались как подразделения системы ГУЛАГа с соответствующим контингентом населения. Сегодня градообразующие предприятия, вокруг которых построены эти города, стали основными звеньями крупнейших российских компаний. В качестве примера можно привести Воркуту (компания «Воркутауголь» входит в сырьевой дивизион ОАО «Северсталь»), Кировск (ОАО «Апатит», входит в состав холдинга «ФосАгро»), Комсомольск-на-Амуре (Авиастроительный завод, входящий в ОАО «Объединенная авиастроительная корпорация», Комсомольский НПЗ, входящий в состав НК «Роснефть» и Амурский судостроительный завод), Магадан (крупнейший в России центр золоторудной промышленности), Норильск (рудники ГМК «Норильский никель»), Ухта (ЛУКОЙЛ-Ухтанефтепереработка, ЛУКОЙЛ-Ухтанефтегаз и другие структуры ОАО «Лукойл», работающие в Коми) и др. Например, только на Норильском горно-металлургическом комбинате в 1952–1953 гг. использовались около 100 тыс. заключенных. «Нулевой» производственный цикл градообразующих предприятий нередко создавался руками заключенных – гидроузлы в Поволжье, гидроэлектростанции в Куйбышеве и Сталинграде, спецкомбинаты в Железногорске, Новосибирске, Северске, Томске и т. д.

Распространена точка зрения, в соответствии с которой от советской эпохи современной России достались специальные городские поселения (Дубна, Королёв, Обнинск, Фрязино и др.), создававшиеся на базе градообразующих научно-исследовательских и научно-производственных комплексов, после 1991 г. получившие в Российской Федерации статус *наукоградов*. Здесь концентрировались высококвалифицированные кадры, велись перспективные исследования, способствовавшие развитию тех отраслей науки, которые высшая партийная номенклатура считала перспективными. Однако первым примером такого директивного сосредоточения научно-технических кадров все равно оставалась «шарашка» («шарага») – секретные научно-исследовательские институты и конструкторские бюро, созданные для заключенных инженеров, и возникшие в социалистическом городе на рубеже 1920–1930-х годов.

После Октябрьского переворота 1917 г. радикально и с далеко идущими последствиями изменилось соотношение сельских и городских жителей. Если в 1914 г. в городах проживали 15 % населения, то к 1989 г. в СССР удельный вес городского населения составлял 66 % (в РСФСР – 74 %). Вероятно, уместно говорить о том, что в результате большевистской революции деревня овладела традиционным городом, а выходцы из колхозно-совхозной деревни сформировали новую субкультуру советского мегаполиса. Аналогичные процессы происходили и в правящем слое. По утверждению А. Н. Сахарова, «страшная эстафета бескультурия оказала сильнейшее влияние на всю советскую историю». Если в 1966 г. номенклатура КПСС на 70 % состояла из детей беднейших крестьян и неквалифицированных рабочих, то к 1981 г. эта доля возросла до 80 %. На фоне развития советского мегаполиса, с точки зрения Сахарова, происходила «страшная эстафета правительственного маргинализма».

Основные выводы автора могут быть сформулированы следующим образом:

1. В исторической ретроспективе русский город прошел длинный и сложный путь трансформации от оборонительного до культурного и хозяйственного центра (хотя этот процесс прерывался монгольским нашествием). Однако накануне Первой мировой войны, по свидетельству известного специалиста по экономической географии В. П. Семёнова-Тян-Шанского, все-таки «вырос в России несколькими столетиями позже Западной Европы торгово-промышленный город, более или менее приближающийся к западноевропейским городам, хотя нередко и отличающийся от них многими, чисто русскими чертами длительного переходного состояния от деревни к городу».
2. Цель социалистического эксперимента в XX веке заключалась в создании нового, советского человека. Большевики ликвидировали традиционную городскую культуру и ее носителей в лице зарождавшегося российского среднего класса. Традиционный город был насильственно заменен советским мегаполисом, чье существование и развитие в 1930–1970-е годы обуславливали система государственного принудительного труда, номенклатурной регламентации общественной и социально-экономической жизни, а также постоянный приток сельского населения, мигрировавшего из умиравшей деревни.
3. Современной Российской Федерации социалистический мегаполис достался по наследству. Его преобразование, а также возвращение естественных для европейского города облика и функций представляет собой острейшую проблему. Разрешение этой проблемы зависит от того, в какой степени внутригосударственная политика будет направлена на создание таких общественных механизмов, которые бы способствовали формированию «среднего класса», поощрению частной инициативы, развитию институтов самоуправления, преодолению бедности, социальной отсталости, патерналистских и иждивенческих настроений.